

Кинорежиссер С. Говорухин, работающий над новым документальным фильмом «Россия», недавно вернулся из поездки в США. Он был принят А. И. Солженицыным в его доме в Вермонте. Редакция попросила режиссера рассказать о встречах с писателем.

Крошечный американский самолетик, вроде нашего «кукурузника», приземлился в красивой гористой местности, среди фермерских хозяйств. Наташа, жена Александра Исаевича, подвезла меня к их дому, я все искал глазами неприступный забор, о котором мы слышали: с электронной сигнализацией, с колючей проволокой, с круглосуточной охраной. Но ничего подобного не было. С этой минуты поездка стала для меня прощанием с мифами.

Я увидел участок леса, обнесенный сеткой, чтобы к дому не подходили олени, не подкрасилась рысь. И на участке лес так густ, что здесь можно, я думаю, собирать грибы, охотиться на глухаря. Среди сосен, разделенные площадкой в двадцать шагов, два деревянных дома — жилой и рабочий. На солнышке греется подслеповатый, почти глухой старый пес Иртыш.

Я никогда не встречался с Александром Исаевичем, хотя писал ему, предлагая сказать с экрана в фильме о России хотя бы несколько слов. Кто же, как не он, сегодня может и вполне говорить с соотечественниками о судьбе нашей Родины? Ответ писателя поначалу огорчил: мол, что можно сказать в двух словах о том, над чем работаешь 53 года? «А просто так буду рад побеседовать...».

И вот я вижу Солженицына — в ковбойской рубашке, борода того, с веселыми лучистыми глазами, расположенными к собеседнику. «Вермонтский узник», как его называют, выглядит таким молодым, подвижным, бодрым, что, случись сторонний человек, тогда увидевший нас рядом, вряд ли бы угадал, кому из двоих 55 и кому 73 года. Трудно было поверить, что за плечами писателя война, тюрьма, десятилетия каторжного труда, спозаранку по 18 часов ежедневно, без выходных и праздников. И ни капли актерства. Он и его близкие — нормальные живые люди, приветливо встречают, а уж помочь, теперь я это знаю, готовы всячески. Если видят, что это может быть полезно России, Родине. Пусть нет уверенности, но хотя бы надежда.

Некоторое время спустя я, кажется, нашел объяснение той эманации счастья, которое исходило от этого человека. Наташа и ее мама, Екатерина Фердинандовна, две удивительные женщины, стали великой опорой Александра Исаевича. На них одних, без всякой прислуги, помощников, секретарей, только на них обоих держится весь этот дом — кухня, хозяйство, архив, переписка, телефонные разговоры, неизбежные объяснения с туристами, «которые всякими путями добираются сюда, чтобы «пожать руку». Они же вместе с сыновьями (внуками) работают в домашней типографии: наборщиками, верстальщиками, корректорами. По людям, по окружению нетрудно составить представление о человеке. И даже не зная писателя, а только увидев этих двух женщин, чувствуешь: он должен быть хорошим человеком.

С Александром Исаевичем мы обошли рабочий дом, все его три кабинета с длинными столами, на которых разложены бумаги, записки, конспекты. Кроме столов, никакой мебели чтобы присесть или прилечь отдохнуть. Нет даже табуретки. «Вот, видите, писателю больше нужны столы, чем полки». «Это писателю-историку», — заметил я. — Когда вы писали «Матренин двор», вам, наверное, не требовалось столько столов? — «Ну да, конечно...». — «Вы целый день на ногах, неужели не хочется опуститься в кресло, на минутку расслабиться?» — «Нет, никогда... Я с утра как автомат завелся».

В одном из кабинетов проигрыватель. Спрашиваю, что чаще всего хочется слушать. «Классику... Шуберта». Один из его сыновей, Игнат, замечательный пианист.

В часы работы он варит себе кофе, зато вечером, перед сном, ничего, кроме кипятка с лимоном. Это, говорит, к хорошему сну, чтобы с утра браться за работу бодрым.

Здесь такая красивая природа, говорю я, хорошо, наверное, бродить по лесу, подниматься в горы... «Нет», — отвечает Александр Исаевич, — никуда не хожу. Не могу думать, когда хожу. Надо подниматься вверх, потом опускаться: трудно думать. — «Весь день без свежего воздуха?» — удивляюсь я. «Почему же, вот построил открытую веранду. Двенадцать шагов в одну сторону, столько же в другую». «Как в камере», — замечаю я. «Привык...»

Два дня мы говорили о России.

Александр Исаевич, мне кажется, знает, какая в тот или иной памятный день была пого-

да в Москве, в Санкт-Петербурге, в провинциальном городке, с какой интонацией в голосе выступал государственный деятель. И это не игра писательского воображения, но феноменальная способность обнять мысль всеохватность бытия, от исторических процессов до реплики частной к событиям личности.

Говорят, история таит не только прошлое народа, но и его будущее. Работая над фильмом, я хотел услышать суждения писателя о том, что нас ждет. Он не стал отвечать на вопрос прямо, но почти два часа рассказывал об исторических судьбах России, стараясь подвести собеседника к выводам, к которым пришел после полувека раздумий. Писателю особенно дорога выношенная им мысль о том, что можно устраивать разный государственный строй, но не это главное. Как было сформулировано в работе «Как нам обустроить Россию», при людском благодушии допустимы любые добротпорядочные структуры. При людском озлоблении и шкурничестве невыносима и самая развитая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности, это проявится при любом строе.

Два года работы над картиной уже убедили меня в том, что в России не было трех революций. В девятьсот пятом году случился бунт. В октябре 17-го произошел переворот, но более: власть была взята мирным путем. В этот день в Петербурге и Москве работали рестораны, Шаляпин пел Дона Карлоса, никто не штурмовал Зимний. Единственная русская революция, источник всех бед, была в феврале. По кинохронике видно, как эта напасть навалилась на страну, и сразу кровь, слезы. В февральские дни возмужденные толпы еще качали офицеров и солдат, а месяц-два спустя их стали поднимать на штыки, сбрасывать с мостов. Пошли нехватки, очереди, голод. Я видел документы тех дней: лишение граждан жилищного права, распределение обуви — на каждые 50 человек одна пара обуви, на каждые 10 человек — пара галош. Что изменилось в период между февралем и октябрём? Ничего: Россия готовилась к Учредительному собранию. 5 января 1918 года собрание разогнали, его защитников расстреляли. Мир не взорвался, не онемела от ужаса наша интеллигенция. Почувствовал свою беззащитность, Ленин и его сообщники стали править страной по-новому.

Не без колебаний я отважился попросить писателя посмотреть сценарий фильма. Он читал с карандашом в руках, делая на полях пометки. После, знакомясь с его замечаниями, я думал о необыкновенной деликатности этого человека. Чаще он писал «так» или «правильно», но в беседе, обращая внимание на какие-то места, говорил: «А вот здесь, знаете, очень сомнительно. Я бы так сде-

лал...». Мы говорили о главных фигурах эпохи — Николае, Столыпине, Ульянове. Суждения Александра Исаевича были очень важны для понимания духа происшедшего. В сценарии я не мог преодолеть симпатии к Николаю-человеку и перенес их на Николая-императора. «Не такой уж хороший император он был», — сказал Солженицын. — Ну посмотрите: во время февральской революции он находился в Ставке, рядом с армией, ему предали. Кто бы отважился потребовать от него отречения? Так нет, бросает Ставку, едет к жене и становится заложником. Разве это император?»

По его словам, Николай дважды «проставил» Россию. Александр III ему оставил сравнительно здоровую страну, но за одиннадцать лет император довел ее до бунта 1905 года. Потом Столыпин вытаснул ему страну, нача-

л Александр Исаевич стал говорить о том, как со времен Петра начала ослабевать роль церкви. Перед революцией многие священники нищенствовали, вынуждены были обирать прихожан. Крестьяне, освобожденные от крепостничества, попали в непривычные рыночные отношения. В деревне стали появляться пьяницы и хулиганы, чего никогда прежде не было. Крестьянское разложение стало одним из проявлений недуга. К тому же русская интеллигенция, как могла, расшатывала российское государственное здание до основания. Дело дошло до смертельной вражды между обществом и государством. Истина никого не интересовала. И когда пришли наглые решительные люди, государство распалось в одну секунду.

Истории у нашей интеллигенции, говорил он, принято было

мер, вслед за Солженицыным, верю, что в России обязательно будет восстановлено земство, всенародно избранное, перенявшее власть от нынешних структур. Было часов 12 дня, когда он прервал беседу и поднялся на второй этаж послушать обзор московских газет. Раньше, говорит, слушал Би-би-си, теперь Москву. Некоторое время спустя вернулся, рассказал, что у нас происходит. Основные моменты записывает. Конечно, он не отягощает ум и память мелкой избыточной информацией, в чем откровенно признается и за что его упрекают иные критики, полагая, как писал недавно «Огонек», что «достаточно начать самим ограничивать себя, свою свободу, свое право на информацию — и назавтра найдется, кому это делать за нас... Это и будет авторитарный ре-

жим». Между тем писатель глубоко прав. Разве мы не превращаемся сегодня в наркоманов, поглощаемых, к примеру, подряд программы телевидения, радиопередачи, множество газет, не оставляя себе времени читать книги, вообще думать о жизни. Информационная всеядность стала болезнью века. Пора выбирать, чувствовать, что тебе необходимо и без чего можно обойтись. Солженицын это улавливает чутко.

С особой остротой эта чуткость на главное в текущей жизни проявилась, я думаю, в работе «Как нам обустроить Россию», не всеми прочитанную вдумчиво. Некоторые критики, сличая взятые из контекста строки с событиями дня, поспешили отметить якобы несовпадение писательского чертежа с движением жизни. Не замечая, что в главных направлениях современная наша история развивается по-солженицынски. Именно сегодня, как никогда, актуальны для всех нас его предупреждения: чистота общественных отношений основнее уровня изобилия. Если в нации иссякли духовные силы, никакое наилучшее государственное устройство, никакое промышленное развитие не спасет ее от смерти. С гнилым дуплом дерево не стоит. И среди всех возможных свобод на первое место все равно выходит свобода бессовестности.

Давайте признаемся: разве не оправдались эти слова? Многие из завоеванных сегодня свобод действительно обрели какое-то откровенное мурло. Свобода творчества, за которую боролись художники, оборачивается свободой безнравственности, каким-то повальным безумством. А свобода предпринимательства? На каждом шагу мы замечаем, как его прикрывается свобода откровенной наживы, воровства, грабежа. И многие из нашей интеллигенции, прежде услужливо выполнявшие заказы властей, сегодня бросаются наперегонки выполнять заказы теперь властвующей валютной номенклатуры. Наши экономисты нашли оправдание способам действий отечественных миллионеров: дескать, все первоначальные капиталы на Западе тоже приходилось зарабатывать нечестными путями. Но это не так. Как правило, предприниматели увеличивали свое богатство на фоне экономического чуда в своей стране, по мере промышленного развития, повышения благосостояния трудящихся. Как было после войны в Японии. А у нас дикое обогащение происходит в условиях все большего обнищания народа, когда страна погружается в хаос и развал. На этом фоне растут как грибы наши молодые миллионеры. По-моему, это свобода бессовестности, о которой предупреждал Солженицын.

Досадно читать легкомысленные суждения о том, что солженицынские проекты переустройства России будто бы не оправдались: писатель «отворчался от

считать, что чем больше свобод, тем лучше человеку. Все ограничения со стороны властей и сама власть, что бы она ни делала, всегда плохо. Главная задача была — расшатать систему. Чем хуже, тем лучше. Если война — лучше ее проиграть». Дошло до того, что во время русско-японской войны наша интеллигенция посылала японскому императору телеграмму с пожеланием скорейшей победы. И воспитывать гражданина подразумевало воспитывать неуважение к власти. Это особенно чувствовалось в годы, предшествующие революции. Стеснялись подать руку городскому Поп да урядник были в нашей литературе самыми ненавидимыми, карикатурными фигурами.

Вот главный недуг, который развивался. Большевик, придя к власти, легко справился с этой интеллигентией. Одни умерли от голода, других вынудили эмигрировать, третьих репрессировали. В 1922 году в России почти не осталось мыслящих и образованных людей. Нетерпимость Ленина к людям, умнее и образованнее себя, унаследовали все его преемники, вплоть до наших дней.

Мне близка была тяга Солженицына осмыслить прошлое. Хотелось именно так построить фильм: прежде чем идти вперед, нужно обернуться назад и посмотреть, что мы растеряли, блуждая в потемках. Еще многое можно поднять, сохранить, пустить в дело. Это касается и духовных ценностей, и материальных. И как бы там ни спортивлялась прослойка людей, ориентированных исключительно на западные ценности, все-таки жизнь берет свое, и мы возвращаемся ко многим собственным традициям, привычкам. А напри-

жизни». Представьте: полтора года назад врач посмотрел больного, установил диагноз, выписал рецепт. По прошествии этого времени больной, роясь в бумагах, обнаруживает тот рецепт и начинает его придерживаться. Конечно, лечение было бы эффективнее, если бы следовали рецепту вовремя.

Думаю, прав писатель, не устывая повторять, что мы оказались не готовы к демократии. Это длительный процесс, требующий времени и общих усилий. В ситуации, как она складывается, трудно утверждать наверняка, что на переходном этапе опаснее — авторитарное общество или общество необузданных свобод. Об этом можно долго говорить с Александром Исаевичем, с болью наблюдающим за событиями на Родине. Он не может себе представить развитие России без Украины и Беларуси, он против жестокого раздела. «Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован — вместе и выберемся». Ему были близки, как я понимаю, усилия создать Содружество Независимых Государств.

Огромное число писем из разных мест России приходит в Вермонт, в этот дом, где все русское — язык, на котором говорят, кухня, порядки, богослужение. Эта преданность Родине вызывает уважение американских жителей городка. Они не докучают писателю визитами, берегут его время, даже иностранцам, спрашивающим дорогу к Солженицыну, не так-то легко это испытать у местных граждан.

Он, пожалуй, единственный русский писатель за рубежом, живущий литературным трудом. Однако приличный доход приносит ему только публикации «Архипелага ГУЛАГ». Из этих средств семья не берет ни цента: все средства идут на помощь репрессированным и их семьям. Писатель и его семья внимательно следят, чтобы средства попадали точно по адресам.

Александр Исаевич поразила меня твердой верой в будущее России. Ее спасение и процветание он видит не в столичных городках, не в промышленных центрах, а в провинции, которую, по его мнению, пора освободить от давления «болезненных гигантов». Люди в провинции не такие испорченные, более работящие. Оттуда он ждет приход нового лидера масштаба Столыпина, который тоже, кстати говоря, был из провинции и всех в Думе раздражал провинциальными замашками. По мысли писателя, все будет зависеть от того, на какой основе объединить хороших людей, от полной свободы их хозяйственного и культурного дыхания.

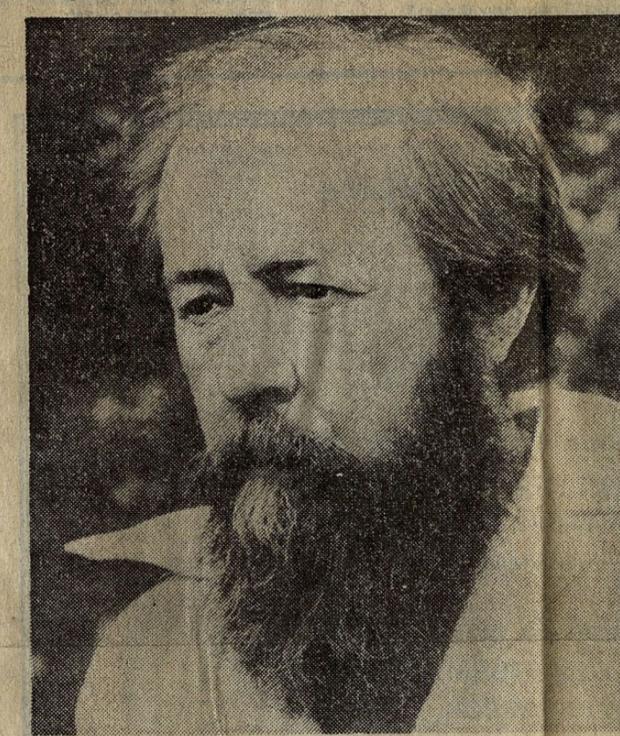
Как-то вскоре после подавления августовского путча я получил от Александра Исаевича письмо: «Поздравляю вас с великой преобразовательной революцией». Он имел в виду преобразование России, которой отдал свои мысли, вся его жизнь. Писатель собирается вернуться на Родину. Это его решение, как я понял, твердое и бесповоротное. Его не пугает, что застанет Россию совершенно другой страной, чем та, которую принужден был оставить, что есть люди, с неким пренебрежением относящиеся к его планам переустройства Отечества, к его публицистическим выступлениям. Я пробовал было заикнуться: ну как ему жить в нашей сегодняшней реальности, как работать? Но его решение бескомпромиссное, не имело смысла отговаривать. Вот закончит кое-какие дела, книги, статьи, самое неотложное и будет собираться. Летом Наташа поедет на Родину подыскивать дом. Скорее всего, думаю, в Подмошье. Мне он говорил: «Умирать — в России!».

ГОВОРУХИН Станислав Сергеевич, 55 лет, родился в Березняках на Урале, по образованию геолог. Окончил ВГИК, режиссер-постановщик лент «Вертикаль», «День ангела», «Необыкновенные приключения капитана Гранта», «Место встречи изменить нельзя» и других. Последняя работа «Так жить нельзя!» Конфедерацией союзных кинематографистов признана лучшей документальной лентой года. Женат, имеет сына.

Известие - 1992 - 2 авг. - с. 3

ДВА ДНЯ В ВЕРМОНТЕ

О встречах с Александром Солженицыным рассказывает Станислав Говорухин

дальше...». Мы говорили о главных фигурах эпохи — Николае, Столыпине, Ульянове. Суждения Александра Исаевича были очень важны для понимания духа происшедшего. В сценарии я не мог преодолеть симпатии к Николаю-человеку и перенес их на Николая-императора. «Не такой уж хороший император он был», — сказал Солженицын. — Ну посмотрите: во время февральской революции он находился в Ставке, рядом с армией, ему предали. Кто бы отважился потребовать от него отречения? Так нет, бросает Ставку, едет к жене и становится заложником. Разве это император?»

По его словам, Николай дважды «проставил» Россию. Александр III ему оставил сравнительно здоровую страну, но за одиннадцать лет император довел ее до бунта 1905 года. Потом Столыпин вытаснул ему страну, начал Александр Исаевич стал говорить о том, как со времен Петра начала ослабевать роль церкви. Перед революцией многие священники нищенствовали, вынуждены были обирать прихожан. Крестьяне, освобожденные от крепостничества, попали в непривычные рыночные отношения. В деревне стали появляться пьяницы и хулиганы, чего никогда прежде не было. Крестьянское разложение стало одним из проявлений недуга. К тому же русская интеллигенция, как могла, расшатывала российское государственное здание до основания. Дело дошло до смертельной вражды между обществом и государством. Истина никого не интересовала. И когда пришли наглые решительные люди, государство распалось в одну секунду.

Истории у нашей интеллигенции, говорил он, принято было мер, вслед за Солженицыным, верю, что в России обязательно будет восстановлено земство, всенародно избранное, перенявшее власть от нынешних структур. Было часов 12 дня, когда он прервал беседу и поднялся на второй этаж послушать обзор московских газет. Раньше, говорит, слушал Би-би-си, теперь Москву. Некоторое время спустя вернулся, рассказал, что у нас происходит. Основные моменты записывает. Конечно, он не отягощает ум и память мелкой избыточной информацией, в чем откровенно признается и за что его упрекают иные критики, полагая, как писал недавно «Огонек», что «достаточно начать самим ограничивать себя, свою свободу, свое право на информацию — и назавтра найдется, кому это делать за нас... Это и будет авторитарный ре-